

Научная статья
УДК 141.201

Лада Альбертовна Зубкевич
Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, lada-zubk@rambler.ru

О ВОЗМОЖНОСТИ ПАРАДИГМАЛЬНОГО СИНТЕЗА В ОБЩЕСТВОЗНАНИИ

Аннотация. Современное человечество находится в неустойчивом состоянии своего развития, происходит поиск способа перехода обществ к новому. Сегодня обществознание сталкивается с трудностями при изучении этих процессов. Они связаны с их субъектно-объектной неопределенностью. В результате возникает необходимость расширения методологической и теоретической баз исследований за счет привлечения элементов аналогичных баз других парадигм. Указанные процессы приводят к возникновению тенденции к парадигмальному синтезу в исследованиях. В статье рассматриваются линейная, циклическая, синтетическая (линейно-циклическая) парадигмы понимания исторического процесса. В соответствии с этой классификацией систематизируются исследования переходных состояний развития человечества, которые анализируются на предмет наличия нехарактерных для их парадигмы элементов. С помощью методов парадигмальной систематизации исследовательских позиций и феноменологического интенционального анализа делается вывод о необходимости парадигмального синтеза, выявляются методологические условия осуществления этого синтеза. Так, методологически осуществим синтез парадигм, признающих принцип развития, ориентирующихся на диалектический закон качественных и количественных изменений. Возможен синтез метафизических, не опирающихся на принцип развития парадигм. Парадигмальный синтез методологически противоположных парадигм (диалектических и метафизических) невозможен.

Ключевые слова: переходные состояния развития человечества, исторический процесс, парадигмы интерпретации истории, парадигмальный синтез, общественно-экономическая формация, общественная система, цивилизация

Для цитирования: Зубкевич Л. А. О возможности парадигмального синтеза в обществознании // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. № 2 (18). С. 105–119.

Original article

Lada A. Zubkevich
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russia, lada-zubk@rambler.ru

ON THE POSSIBILITY OF PARADIGMATIC SYNTHESIS IN SOCIAL SCIENCE

Abstract. Modern humanity is in an unstable state of its development; a search is underway for a way to transition societies to a new one. Today, social science faces difficulties in studying these processes. They are associated with their subject-object uncertainty. As a result, there is a need to expand the methodological and theoretical bases of research by attracting elements of similar bases of other paradigms. These processes lead to the emergence of a tendency toward paradigmatic synthesis in research. The article discusses linear, cyclical, synthetic (linear-cyclic) paradigms for understanding the historical process. In accordance with this classification, studies of transitional states of human development are systematized, these studies are analyzed for the presence of elements that are not characteristic of their paradigm. Using methods of paradigmatic systematization of research positions and phenomenological intentional analysis, a conclusion is made about the need for paradigmatic synthesis, and methodological conditions for the implementation of this synthesis

© Зубкевич Л. А., 2024

are identified. Thus, we will methodologically carry out a synthesis of paradigms that recognize the principle of development, focusing on the dialectical law of qualitative and quantitative changes. It is possible to synthesize metaphysical paradigms that are not based on the principle of development. Paradigmatic synthesis of methodologically opposite paradigms (dialectical and metaphysical) is impossible.

Keywords: transitional states of human development, historical process, paradigms of interpretation of history, paradigmatic synthesis, socio-economic formation, social system, civilization

For citation: Zubkevich L. A. On the possibility of paradigmatic synthesis in social science // Society, law, statehood: retrospective and perspective. No. 2 (18). P. 105–119. (In Russ.)

Введение

Актуальность исследования. Современное человечество находится в переходном состоянии своего развития, происходит поиск способа перемещения обществ от старого устойчивого состояния к новому. Исследователю приходится сталкиваться с трудностями, обусловленными этим состоянием: субъектно-объектная неопределенность изучаемого явления сопряжена с противоречием логического и исторического, модели и оригинала, абстрактного и конкретного, экзистенциальности личности ученого и окружающей его социальной реальности. Качественная неопределенность, неустойчивость реальности приводят к необходимости ввести в рамки рационального противоречивое, иррациональное и часто нерациональное. Отвечая на эти вызовы, обществензнание выходит за рамки парадигмальной ограниченности.

Предмет: обществоведческие исследования переходных состояний современного этапа процесса развития человечества.

Область исследования: традиционные парадигмы исторического процесса, которые часто называются по своим главным категориям: формационный, цивилизационный, системный подходы и парадигмы истории.

Цель: выявление в исследованиях обществоведов тенденций к парадигмальному синтезу.

Задачи: систематизация исследований переходных состояний развития человечества, классификация позиций авторов, парадигмальный анализ данных исследований.

Методы

Рассматриваемая проблема актуализирована давно, и она не потеряла значимость

до сих пор, следствием этого стало существование огромного множества ее исследований. При подборе работ представителей научных парадигм мы оставляем за собою право ограничивать глубину исследования своим видением его теоретико-методологических целей, логикой исследования и самого изложения. Анализ проведен с использованием следующих методов: 1) феноменологического интенционального анализа (в исследованиях выявляются акты сознания исследователя, которые используются им для конструирования своей модели реальности); 2) парадигмальной систематизации исследовательских позиций.

Понимание места переходных состояний в истории.

1. Представители теории общественно-экономической формации. К. Маркс как основатель формационного подхода различал в процессе исторического развития прогрессивные этапы, ступени и соответствующие им «эпохи общественной экономической формации» и переходные эпохи между ними, то есть «эпохи социальных революций» и «общественных переворотов». В основу классификации исторического процесса марксизма положены производственные отношения и материальные производительные силы, между которыми есть обострение противоречий, по сути, содержание социальной революции. За трансформацией «базиса» меняется вся «надстройка», тогда наступает эпоха социальной революции [1]. Революция – это скачок с методологической точки зрения марксизма, то есть неустойчивое, переходное состояние.

В. И. Ленин разработал теорию социальной революции и революционной ситуации, которые он считал «могучей двигательной

силой переходного исторического периода» [2, с. 193; 3, с. 422]. Это положило начало разработке теории социальных революций в марксистской литературе советской эпохи. Данное направление «оснащено» методологически благодаря В. И. Ленину, дало ощутимые результаты в науке.

В марксистской традиции социальная революция анализируется в следующих аспектах: место старого и нового в переходном состоянии, конец старой формации и начало новой. В целом авторы признают, что «революционная эпоха» включает в себя и старое, и новое, процесс революционного изменения старого в новое, «период гибели старого общества и период складывания нового общества» [4], социальные революции могут иметь различные конкретные формы [5, с. 242–251] или переходные формы [6].

В этой литературе часто социальные революции называют «переходным периодом». Его рассматривали как специфическое понятие в теории становления коммунистической формации, особое внимание уделялось средствам реализации переходного периода (переходным формам собственности, социальным структурам и пр.), а также проблеме начала перехода, концепции «слабого звена», границам переходного состояния, особенностям государственного устройства в этот период (диктатура и особая избирательная система) [см., например, 7; 8, с. 133; 9, с. 56].

В недрах советской школы марксизма уже в начале 70-х годов XX века складывались подходы, получившие право на существование позже. Например, В. Я. Израитель общественно-экономические формации понимает как некую логическую абстрактную категорию. Реально существует, с его точки зрения, только конкретное общество – сложная система, которая определяется общественно-экономической формацией и экономическими отношениями в ней, но к ним не сводится [6, с. 23–24].

Так, понимание формации как абстрактной логической категории и даже как «идеализированного чистого случая» дало возможность при рассмотрении конкретных

обществ и процессов в них отойти от схематичности общественно-экономической формации (тем более, в вопросе числа и схемы формаций в марксизме были разные позиции). Таким образом вводится в научный оборот понятия устойчивых и неустойчивых состояний процесса развития, вариантов и форм развития, переходности [6, с. 23–24].

С подобных, нетрадиционных для марксизма, позиций писали свои работы А. Я. Гуревич, Э. В. Крапивенский и другие. По мнению А. И. Ракитова, неустойчивые состояния в разных обществах отличаются по содержанию и форме, зависят от предшествующей истории, «этнических и социально-культурных особенностей народа, уровня экономического развития страны, предрассудков, обусловленной прошлым психологии людей и т. д.» [10, с. 17]. Для А. Я. Гуревича переходность – это изменчивость. Такие состояния провоцируются воздействием извне, оно определяющее. Существуют также особые переходные формы, но для перехода от одной формы к другой нужен внешний толчок [11]. С. Э. Крапивенский считает, что социальная революция системна, ее системный характер также вытекает из системности формации [8, с. 133].

В связи с юбилейными датами со дня рождения В. И. Ленина, К. Маркса, а также столетней годовщиной Великой октябрьской социалистической революции, по причине разочарования в возвратившемся капитализме на постсоветском пространстве усилился интерес к учениям классиков марксизма, вновь происходит переосмысление революционных событий и их значения. Поскольку у нас существует очень сильная марксистская традиция в философии и истории, то современные исследователи в статьях продолжают полемику своих предшественников, развивая вышеобозначенную проблематику. Основная задача – развенчать идеологические мифы советских времен, выявить и критически осмыслить постсоветскую мифологию на означенную тематику [см., например, 12].

Журнал «Альтернативы» посвятил двухсотлетнему юбилею К. Маркса отдельный

номер. В нем авторы отмечают, что марксистская теория нашла свое подтверждение, она позволяет найти подход к разным явлениям природы и общества. Теория общественно-экономической формации не имеет альтернативы, так как она построена на четком критерии – способе производства материальных благ [13]. Чэнь Хун считает, что любая теория ограничена временем ее создания. В настоящее время некоторые тезисы марксизма требуют «исправлений», это в свое время подразумевал и К. Маркс. Например, тезис об одновременной социалистической революции в развитых капиталистических странах автор считает неверным, также не подтвердилось историей утверждение о близком крахе капитализма [14].

В рамках марксистской парадигмы существуют современные институционализованные объединения ученых, например, Центр современных марксистских исследований философского факультета МГУ, возглавляемый А. В. Бузгалиным. Здесь исследуется широкий спектр вопросов, в том числе проводится сравнительный анализ исторического опыта и конкретных моделей социализма, разрабатывается диалектическая методология с опорой на школу Э. В. Ильенкова, рассматриваются перспективы прогрессивного развития человечества, путь от «царства необходимости» к «царству свободы» (коммунизму) и пр. [15].

А. В. Бузгалин выделяет постсоветскую школу критического марксизма, которая появилась на русскоязычном пространстве и занимается диалектической теорией социально-экономических трансформаций. Эта школа предложила «пролегомены» будущего целостного труда, характеристики отношений, противоречий позднего капитализма, изучает природу современного рынка (корпоративные сети, трансформацию денег, специфику новых социальных отношений эксплуатации) [16].

Другим примером организации ученых является Общероссийская общественная организация «Российские ученые социалистической ориентации» (РУСО), в рамках ее деятельности проводятся многочисленные

конференции посвященные социализму, революционным процессам, марксизму и т. п. [см., например, 17].

Таким образом, в рамках данной парадигмы наблюдается эволюция идей от поиска научных категорий, отражающих объективную реальность исторического процесса, через абстрактно-логические понятия-модели к осознанию недостаточности того и другого, к необходимости расширения методологического инструментария формационной парадигмы. Поэтому в современных исследованиях мы встречаем категории и методы исследования, характерные для других парадигм.

2. Представители теории социальных систем. Другая парадигма интерпретации истории – теория социальных систем. Социальная система (общество) понимается как качественное множество элементов, которые связаны между собой динамическими и статистическими отношениями, обуславливающими свойства системы. Система имеет системопорождающее противоречие, которое она с необходимостью должна разрешать, в противном случае система разрушится [18, с. 66].

Система существует в своих рамках до тех пор, пока не войдет в состояние «социальной энтропии». Это состояние изменчивости возникает из-за отклонения от прежней устойчивости системы, снижения уровня организации, эффективности функционирования, замедления темпов развития системы. Выход из состояния «социальной энтропии» предполагает преодоление определенных порогов, что качественно меняет состояние системы. Как правило, системы пребывают в устойчивых состояниях, посредством «социальной энтропии» достигается новое устойчивое состояние. Те и другие состояния с закономерностью чередуются [19].

В другой терминологии такое неустойчивое состояние систем связывают с бифуркационной фазой, которая возникает вследствие преодоления системой «эволюционных запретов» [20, с. 93]. Неустойчивые состояния обществ иногда называют

транзитивными. В этих состояниях общество «представляет собой чрезвычайно динамичную систему, наполненную разнонаправленными, избыточными процессами, протекающими с различными скоростями и содержащими широкий спектр потенциальных возможностей дальнейшего общественного развития», в этом состоянии развитие нелинейное, смыслопоражающее, трудно прогнозируемое [21, с. 605].

В рамках данной парадигмы, как и в формационной, речь заходит о типах переходных механизмов [22], но предполагаются три пути перехода системы в новое состояние: полное поглощение другой системой, переход в новый цикл, полное разрушение [23, с. 5, 9, 10].

Также существует аналогичный марксистскому исторический подход к пониманию неустойчивых состояний, периодичность их возникновения связывают с технологическими и социальными революциями, экономическими кризисами, мировыми войнами как средствами реализации этих состояний. Они возникают в конце столетних «жизненных укладов». Последние описываются «длинными волнами Кондратьева» и «вековыми циклами накопления капитала Арриги» [24]. Представителям теории систем характерен в разной степени телеологизм в понимании развития общественных систем или близкая к нему абсолютизация роли личности или групп личностей в этом развитии [25, с. 294].

Таким образом, в данной терминологии «социальная энтропия», «бифуркационная фаза» и пр. определяются как неустойчивое состояние и переход от старого к новому, что аналогично содержанию понятий марксистской парадигмы «переходный период», «скачок», «социальная революция». Социальная система мыслится как наделенная определенным качеством.

3. Представители цивилизационной теории. В методологии цивилизационного подхода наблюдается схожее с теорией систем рассмотрение проблемы устойчивости и неустойчивости в истории. Развитие человечества представляет собой цепь цивилиза-

ций, где одни цивилизации умирают, другие появляются вновь. Между цивилизациями существуют неустойчивые «цивилизационные разломы» [26], этапы надлома [27], «культурная диффузия» [28], «тектонические сдвиги» [29].

Во время этих неустойчивых состояний, которые связывают с качественным изменением структур цивилизационных комплексов или с процессом перемещения культурных ценностей от одной цивилизации к другой, происходят «перепады» между «сгустками специфической социальности», «завихрения» исторического процесса [26, с. 49], переход от одного рода структурной устойчивости к структурной устойчивости другого рода [27, с. 15–16], «обновление технологий» или их смена [29]. Переходные состояния имеют средства своей реализации, например, у Э. Дюркгейма этот механизм представлен «коллективными представлениями», социальными структурами и отношениями в них [30].

Причиной возникновения неустойчивости являются изменения в базисных критериях определения основы общества. Вышеуказанные различия в интерпретациях таких критериев сводятся при сопоставительном анализе к трем группам: ценностное ядро, «коллективные представления» и социальные структуры. Возможность подобного сопоставления сегодня реализуется в попытках создать новую классификацию цивилизаций – цивилиографию, которая претендует стать новой отраслью обществознания [31].

В наше время вновь актуализирован вопрос о русской цивилизации. Существующие у нее «константы» культуры определяют развитие и преемственность русской культуры во время многочисленных революционных эпох [32]. Есть мнения, что несмотря на значительные трансформации в образе жизни и культуре, Россия сохранила свой «дух» (по сути цивилизационную идентичность) благодаря охранительной функции консервативной идеологии, которая присутствует в «духе» России всегда в явном или скрытом виде [33, с. 27].

Таким образом, в рамках данной парадигмы также выделяются устойчивые и неустойчивые этапы развития обществ, последние характеризуются изменчивостью, переходом от старого к новому. При цивилизационном подходе, как и при формационном, присутствует крупномасштабное прочтение истории. Авторами анализ делается на глобальном уровне. Концепции описывают процесс и тенденции развития человечества, устойчивость и неустойчивость состояний данного процесса. В данной парадигме наиболее известными являются: теории конвергенции (Дж. К. Гэлбрейт) [34], постиндустриального общества (Д. Белл) [35], утверждения конца истории на стадии капитализма (Ф. Фукуяма) [36], столкновения цивилизаций (С. Хантингтон), либерализма (Ф. А. Хайек) [37]. Сходство с марксистской концепцией имеет теория развития общества М. Вебера [38, с. 465]. Согласно последней развитие общества цикличное, потеря обществом материальной основы приводит к межцивилизационному периоду, где происходят органические изменения по приобретению новой материальной базы. Это перекликается с марксизмом, по сути, здесь речь идет о вещах содержательно равных – способе производства и материальной основе.

Таким образом, в результате проведенного выше сравнительного анализа представленных исследований мы обнаружили, что в рамках крупномасштабного прочтения истории все подходы в решении проблемы выделения состояний процесса развития так или иначе ориентируются на диалектические законы. Так, цивилизационный и формационный подходы рассматривают цивилизации и формации как отдельные качества исторического процесса, а теория систем – как качество общественного развития, что аналогично. Неустойчивые состояния качественной определенностью не наделяются.

Парадигмальный синтез в современных исследованиях. При парадигмальном анализе было обнаружено, что во многих современных исследованиях сочетаются разные методологии. Так, цивилизация и социаль-

ная система употребляются как рядоположенные понятия, у некоторых авторов формации системны. Также в научном обороте присутствуют категории, описывающие цивилизационный критерий для общественной системы, который идентифицирует ее качество. Следствием такой ситуации в обществоведческих исследованиях является возникновение ряда эпистемологических проблем. Одна из них – проблема категориальных аппаратов и категорирования общественных явлений. Например, ситуация с изучением революций в обществах. Э. Э. Шульц пишет о необходимости выделения определяющего признака в классификации революций для достижения системной стройности [39]. Р. Г. Аббасов, В. П. Римский предлагают свой вариант классификаций, выделяют кроме «политических» и «социальных» революций, культурно-цивилизационные (неолигическая, «осевой поворот» между античным язычеством и христианством).

В культурно-цивилизационных революциях переворот происходит не столько во внешних институтах и социальных структурах, сколько в религиозных и светских смыслах. Определяющим признаком мыслится переинтерпретация и перекодировка знаково-символических языков культуры в практиках повседневности, изменение форм мышления (ментальности), образа жизни, способов деятельности и общения людей. В теоретико-идеологических системах создаются новые базисные мифологии, философско-теоретические интуиции и рефлексии, формируются идеологические стереотипы и политические ритуалы. Однако, по мнению авторов, такое понимание революции несовместимо с классовым делением обществ, поэтому классовый критерий не применим [40, с. 8–9], но в основе любой классификации должен лежать один критерий, в чем и видится проблема.

Существует путаница стереотипов, шаблонов в определении современной наукой термина «революция» [40, с. 12]. Причина в том, что происходит рутинизация [41, с. 105] его использования, привычное употребление приводит к тому, что с переносным зна-

чением работают как с собственным [40, с. 5]. Л. А. Зубкевич также отмечает это обстоятельство и предлагает не использовать для обозначения неустойчивых состояний процесса развития общества термины «революция» и «реформа», но неустойчивые состояния обозначать термином «переходный период» общественного развития [19, с. 45].

В литературе наблюдается смешивание понимания терминов «реформа» и «революция» как форм общественных изменений с понятиями «социальная реформа» и «социальная революция», призванных отражать содержание и сущность этих изменений, например, введено такое понятие, как «коренные реформы» или «структурные реформы» [42, с. 36].

Примером последствий для науки рутинизации понятий «реформа», «революция», «политическая революция» и пр. является дискуссия А. Ю. Дворниченко и Д. В. Пузанова на страницах журнала «Вестник Удмуртского университета» [43; 44]. Глубинная причина возникновения подобных дискуссий историков в том, что историческая наука, особенно отечественная, после отрицания марксистской методологической парадигмы истории ищет новые основания исследования. Эмпирическая направленность мышления историков как исследователей конкретных исторических фактов служит причиной недостаточного внимания к абстрактному социально-философскому категориальному аппарату. В основном историки ссылаются на общеизвестность и общепринятость употребления подобных категорий. В результате вместо научного анализа исторических фактов мы имеем интерпретированные с разных мировоззренческих позиций «сказки» [45], а сама история рискует потерять статус науки.

Следующая проблема – необходимость парадигмального синтеза. В науке с конца XX в. мы наблюдаем тенденцию по сближению парадигм, которая реализуется в некотором их синтезе при решении конкретных научных задач. В XXI в. эта тенденция настолько усилилась, что теперь трудно встретить какое-либо исследование, строго при-

держивающееся определенной парадигмы. О возможности «сопряжения», «синтеза», «инкорпорации в научно-исследовательскую программу» теоретических элементов разных парадигм пишут многие современные исследователи-обществоведы [см., например, 46].

Парадигмальный синтез мы наблюдаем при периодизации истории, при классификации обществ. Например, синтез системного и формационного подходов в вопросах периодизации истории Н. Д. Субботиной [47], синтез В. Я. Любашица в вопросе типологии государств [48]. Интересна позиция Л. Н. Мартюшова, который при систематизации существующих парадигм истории (рассматривает их как различные концепции методологии истории), отмечает, что эти концепции очень близки друг к другу, но у них «различный объект исследования»: у одних – часть, у других – целое. В связи с этим автор их методологически объединяет: «применительно к современному миру, все человечество переходит от традиционного общества к индустриальному, но каждая цивилизация осуществляет этот переход по-разному, в зависимости от особенностей своего развития» [49, с. 25]. Свой синтез концепций он называет «многофакторным подходом», утверждает, что в истории не существует такого фактора, который был бы единственной и ключевой основой развития [49].

Сложившаяся ситуация в науке объясняется сложностью происходящих в современности процессов (или в другой терминологии – социокультурной динамикой), изучение которых предполагает возможность и необходимость использования различных интерпретаций и парадигм для эмпирически конкретного описания происходящих изменений. «Применение конкурирующих друг с другом методологических интерпретаций и модельных типологизаций обеспечит разноплановый и панорамный анализ социокультурной динамики» [50, с. 407].

Наиболее часто встречающийся синтез – это формационный и цивилизационный подходы [например: 51], цивилизаци-

онный и системный [52]. Эти исследования делаются в рамках различных наук: истории, юриспруденции, социологии, философии и пр. При синтезе сочетаются эволюционизм, линейный вектор направленности, поступательно восходящий от простого к сложному со способностью более глубоко, объемно описывать, с возможностью оценить степень развития страны [51].

Изложенное подтверждает выводы, сделанные нами выше: подобные парадигмальные синтезы с методологической точки зрения становятся возможными вследствие того, что авторы мыслят общественное развитие как единый процесс, и при этом так или иначе ориентируются, например, на диалектический закон качественных и количественных изменений. Следовательно, методологически осуществим синтез парадигм, признающих принцип развития, использующих диалектику как всеобщий метод.

Большой пласт исследований общества и истории методологически является метафизическим, так как в своем рассмотрении не опирается на принцип развития. Здесь также наблюдается парадигмальный синтез на данной методологической основе. Например, сочетаются процессуальность (динамичность) и структурность [53], революционные процессы; динамику рынков представляют как долгосрочные структурные сдвиги, где именно структуры претерпевают динамику и кризисы. Это называют структурной трансформацией [53, с. 311].

Если комплексно оценить многообразные западные исследования социологов и политологов, то такие понятия, как «переходность», «переходный период» там применяются только для описания процессов распада социалистического лагеря. Имеется ввиду переход социалистических стран к либеральной демократии, которая объявляется идеалом, целью развития этих стран. Здесь также используется термин «трансформация», но в значении механической замены одного компонента другим.

В данной методологической парадигме В. А. Колесников выделяет: 1) теорию модернизации, в которой главная тема – до-

стижение устойчивой демократии, исследователи изучали предпосылки и условия демократизации политико-правовой системы общества в переходном состоянии; 2) транзитологию, которая изучает набор базовых допущений о возможности перехода от одной модели политического развития к другой, устанавливает его причины и предпосылки, стадии переходного периода, акторов транзита; целью транзита признается универсальная модель демократического политического режима; 3) консолидологию, которая концентрируется на ключевых стадиях формирования необратимой «консолидированной» демократии либерализации (ослабление авторитарного давления при прежнем политическом руководстве) и демократизации (консолидация элементов демократического режима) [54].

С нашей точки зрения, неудовлетворительной попыткой полипарадигмального синтеза диалектических и метафизических методологий можно считать ориентацию на динамическое рассмотрение политических процессов. Метафизические течения применяют формально-логические и нормативные методы, что превращает динамику не в объективный процесс развития, а в мыслимую череду формальных логических моделей переходного периода с привлечением различных качественных методов (различные теоретические аспекты) в сочетании с эмпирико-количественными характеристиками. Такой синтез наблюдается в системно-структурной транзитологии (анализ структурных изменений во время перехода), субъективно-процедурной (анализ политических акторов); в элитических и неокорпоративистских методиках (анализ элит).

Другим примером парадигмального синтеза можно считать методологическую парадигму «исторической макросоциологии». Одним из основоположников отечественной исторической макросоциологии считают новосибирского философа Н. С. Розова. В его подходе предметное поле этого направления совпадает с мировой историей [55]. Философ считает, что «историческая макросоциология – междисциплинарная область иссле-

дования, в которой изучаются механизмы и закономерности крупных и долговременных исторических процессов, таких как происхождение, динамика, трансформации, взаимодействие, гибель обществ, государств, мировых систем и цивилизаций» [56, с. 51]. Даже в этой цитате термины из разных парадигм используются как рядоположные, как и у другого автора: предметом макросоциологии являются и отдельные общества в их целостности, и цивилизации, мировые системы в их исторической перспективе [46, с. 90].

Методологической задачей этой парадигмы можно считать привлечение в социальное познание принципов современного научного мышления, рост теоретического потенциала социального познания, формирование нового методологического основания в виде теоретических моделей, научно-исследовательских программ и т. п. По сути, исследуются возможности применения принципов философии и методологии науки к сфере социального познания – в этом причина необходимости синтеза.

Одни исследователи приходят к осознанию этой необходимости из-за того, что понимают невозможность решения задач своего исследования чисто эмпирическим путем, так как необходим выход на теоретический уровень организации знания, альтернативный марксизму и другим течениям философского объективизма (например, Р. Коллинз «Макроистория») [53]. Другие приходят к моделям научно-исследовательских программ со стороны философской рефлексии над возможностями теоретических средств философии и методологии науки и их применимости к социальному познанию (Н. С. Розов, И. Лакатос) [57; 58].

Вопрос об истинности таких моделей и программ решается в области исследования проблемы соотношения традиционной для западной науки эмпирической истории (описание и перечисление явлений и пр.) и теоретической истории [46, с. 94]. Решение этого вопроса состоит не в соответствии знаний действительности, так как эмпирия и теория – это все знание (область рациональ-

ного), с точки зрения представителей анализируемой парадигмы, а в состоятельности и зрелости самой программы или модели, которые оцениваются модернизированным под специфику социального познания принципом фальсификации.

Так, по И. Лакатосу, научно-исследовательская программа должна быть прогрессирующей, то есть саморазвиваться, а также обладать предсказательной силой [58, с. 362, 437]. С точки зрения Р. Коллинза обоснованное социальное предсказание должно состоять из теории, объясняющей причины некоего явления по условному логическому принципу «если – то», также она должна иметь эмпирические данные начальных условий этого явления. Однако все равно предсказания всегда остаются вероятностными [53, с. 108–127].

Заключение

Переходные состояния и средства их реализации изучаются как в рамках крупномасштабного прочтения истории, так и в рамках локальных исследований конкретных проблем обществ. В обществоведческой науке с конца XX в. мы наблюдаем тенденцию по сближению парадигм интерпретации истории, которая реализуется в некотором их синтезе при решении конкретных научных задач. В XXI в. эта тенденция усилилась, теперь трудно встретить какое-либо исследование, строго придерживающееся определенной парадигмы, но осуществляется поиск новых методологических и мировоззренческих оснований. Обществоведы приходят к выводу, что ни одна из существующих парадигм не может в полной мере описать и, главное, объяснить, спрогнозировать переходные состояния и их конкретные проявления.

Наиболее часто встречающиеся примеры синтеза: во многих современных исследованиях сочетаются разные методологии, например, «цивилизация» и «социальная система» употребляются как рядоположные понятия; у некоторых авторов «формации» «системны». Также в научном обороте присутствуют категории, описывающие «цивилизационный критерий» для «обществен-

ной системы», который идентифицирует ее как «отдельное качество».

Парадигмальный синтез мы наблюдаем при периодизации истории и классификации обществ. Чаще всего синтезируются формационный и цивилизационный, цивилизационный и системный подходы в целом, а также отдельные методологии: развитие по спирали и линейный вектор направленности развития; поступательное восхождение от простого к сложному и эмпирически конкретное, глубокое, объемное описание. Сочетаются процессуальность (динамичность) и структурность.

Выявлены причины парадигмального синтеза: 1) сложность происходящих в современности процессов; 2) насущная потребность более глубоко, объемно оценить степень развития стран, изучение которых предполагает возможность и необходимость использования различных интерпретаций и парадигм для эмпирически конкретного изучения происходящих изменений; 3) парадигмальная и методологическая неопределенность влияет на развитие наук, изучающих общество (истории, юриспруденции, социологии, философии и пр.), порождает в них кризис.

Осуществим синтез парадигм, признающих принцип развития. Выявлена методологическая основа такого синтеза:

1. В рамках формационной теории наблюдается осознание необходимости расширения методологического инструментария за счет использования категорий и методов других парадигм.

2. В терминологии теории социальных систем неустойчивое состояние определяется аналогично содержанию понятий марксизма, а социальная система мыслится как наделенная определенным качеством.

3. При цивилизационном подходе так-

же выделяются устойчивые и неустойчивые этапы развития обществ, последние характеризуются изменчивостью, переходом от старого к новому.

4. Все парадигмы в решении проблемы выделения состояний процесса развития ориентируются на диалектический закон качественных и количественных изменений, общественное развитие мыслят как единый процесс.

Когнитивные проблемы парадигмального синтеза: проблема категориальных аппаратов и категорирования общественных явлений. Существуют трудности выработки единого критерия для классификаций, рутинизация терминов, путаница стереотипов, шаблонов в определениях.

Парадигмальный синтез методологически противоположных парадигм (диалектических и метафизических) невозможен, метафизические – не опираются на принцип развития. Хотя в науке есть такие попытки, например, динамическое рассмотрение политических процессов. Все метафизические течения применяют формально-логические и нормативные методы, что превращает динамику не в объективный процесс развития, а в мыслимую череду формальных логических моделей переходного периода.

Возможен синтез метафизических парадигм со стороны эмпирического рассмотрения, осознания его недостаточности и необходимости выхода на теоретический уровень организации знания, альтернативный течениям философского объективизма; также со стороны философской рефлексии над возможностями теоретических средств философии и методологии науки и их применимости к социальному познанию.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Маркс К., Энгельс Ф. Предисловие к «К критике политической экономии» // Избранные произведения в двух томах. М. : ОГИЗ Государственное издательство политической литературы, 1949. Т. 1. С. 321–322.

2. Ленин В. И. Грозная катастрофа и как с ней бороться // Полное собрание сочинений. Издание пятое. М. : Изд-во политической литературы, 1967. Т. 34. С. 151–199.

3. Ленин В. И. Империализм как высшая стадия капитализма. Полное собрание сочинений. Издание пятое. М. : Изд-во политической литературы, 1967. Т. 27. С. 299–426.
4. Мишин В. И. Общественный прогресс. Горький : Волго-Вят. кн. изд-во, 1970. 296 с.
5. Глезерман Г. Е. Законы общественного развития: их характер и использование. М. : Политиздат, 1979. 268 с.
6. Израитель В. Я. Противоречивая природа переходных эпох во всемирной истории // Философские проблемы общественного прогресса : сборник научных трудов. Горький : Изд. Горьковского университета, 1982. С. 77–90.
7. Драбкин Я. С. Нерешенные проблемы изучения социальных революций // Историческая наука и некоторые проблемы современности. Статьи и обсуждения. М. : «Наука», 1969. С. 211–215.
8. Крапивенский С. Э. К анализу категории «социальная революция». Волгоград : Нижне-Волжское книжное издательство, 1971. 183 с.
9. Бутенко А.П. Диалектика общественного развития. Киев : Политиздат Украины, 1990. 317 с.
10. Ракитов А. И. Историческое познание: системно-гносеологический подход. М. : Политиздат, 1982. 303 с.
11. Гуревич А.Я. Свободное крестьянство феодальной Норвегии. М. : «Наука», 1967. 285 с.
12. Мусаелян Л. А. Теоретическое наследие Маркса и современность. Статья вторая. Теория и практика марксизма // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2020. Вып. 1. С. 14–28.
13. Осин Р. С. Мой Маркс // Альтернативы. 2018. № 2. С. 71–78.
14. Хун Ч. Мой Маркс // Альтернативы. 2018. № 2. С. 91–97.
15. Бузгалин А. В. Будущее марксизма и марксизм будущего // Альтернативы. 2018. № 2. С. 102–116.
16. Бузгалин А. В. Ответы на вопросы оргкомитета Второго международного марксистского конгресса. // Философские науки. Пекин : Пекинский университет. 2018. № 4. С. 80–95.
17. Диалектика национального и социального в контексте возвращения Отечеству статуса великой державы : материалы Международной научной конференции / Нижегородское региональное отделение Общероссийской Общественной Организации «Российские ученые социалистической ориентации» (РУСО), Общероссийская академия человековедения; редкол.: А. В. Грехов (пред.) и др. Нижний Новгород, 2015. 177 с.
18. Сагатовский В. Н. Системная деятельность и ее философское осмысление // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник. 1980 / ред. Д. М. Гвишиани и др. М. : Наука, 1981. 402 с.
19. Зубкевич Л. А. Переходные периоды как часть закономерного исторического процесса : дис. ... канд. философ. наук. Нижний Новгород : Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, 2005. 183 с.
20. Шемякова Е. В. Устойчивость и неустойчивость в природных и социальных системах : дис. канд. философ. наук. М. : Российская академия государственной службы, 1995. 140 с.
21. Сергейчик Е. М. Философия истории. Спб. : Издательство «Лань» ; Санкт-Петербургский университет МВД России, 2002. 606 с.
22. Багно И. Г. Социокультурный подход в исследовании переходных процессов в современной России : автореф. дис. ... канд. философ. наук. Омск : Омский государственный аграрный университет, 1998. 25 с.
23. Глазьев С. Ю. Закономерности социальной эволюции: вопросы методологии // Анализ систем на пороге 21 века: теория и практика : материалы международной конференции. В 4-х т. / сост. Т. Е. Сафонова. М. : Интеллект, 1996. Т. 2. С. 5–10.
24. Глазьев С. О глубинных причинах нарастающего хаоса и мерах по преодолению экономического кризиса // Глазьев.ру. URL: <https://glazev.ru/articles/1-mirovoy-krizis/78041-o-glubinnnykh-prichinakh-narastajushhego-khaosa-i-merakh-po-preodoleniju-jekonomicheskogo-krizisa> (дата обращения 27.02.2024).
25. Моисеев Н. Н. Стратегия переходного периода // Вестник РАН. Т. 65. 1995. № 4. С. 291–295.
26. Андреев И. Л. Осторожно с часами истории! (методологические проблемы цивилизационного процесса) // Вопросы философии. 1998. № 9. С. 38–54.
27. Абросимова И. А. Методологическая роль понятия цивилизации в социально-философском исследовании: автореф. дис. ... канд. философ. наук. Саратов : Саратовский государственный технический университет, 2000. 19 с.

28. Гизатуллина Г. А. Сравнительный анализ формационной и цивилизационной концепции (философско-методологический аспект) : автореф. дис. ... канд. философ. наук. Казань : Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова-Ленина. Казань, 2001. 23 с.
29. Веревичев И. И., Веревичева М. И., Ерохина Е. А. Код развития современной цивилизации // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2018. Т. 20. № 4 (3). С. 514–520.
30. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М. : Наука, 1995. 349 с.
31. Бариева А. А. Цивилизационная теория Ю. Яковца: достоинства и недостатки // Глобальный научный потенциал. Профессиональное образование. 2019. № 10 (103). С. 102–104.
32. Никольский С. А. Российская философия истории: опыт понимания // Философский журнал. 2018. Т. 11. № 4. С. 115–128.
33. Епремян М. А. Гносеологические корни консервативной идеологии, ее генезис, особенности и тенденции развития // Регион и мир. 2019. № 5. С. 26–30.
34. Гэлбрейт Дж. К. Экономические теории и цели общества. М. : Прогресс, 1979. 406 с.
35. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М. : Academia, 2004. 944 с.
36. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М. : АСТ, Ермак, 2005. 588 с.
37. Хайек Ф. А. Дорога к рабству. М. : «Экономика», 1992. 176 с.
38. Вебер М. Социальные причины падения античной культуры // Избранное. Образ общества. М. : Юрист, 1994. С. 447–566.
39. Шульц Э. Э. Теория революции: Революции и современные цивилизации. М. : Ленанд, 2016. 400 с.
40. Аббасов Р. Г., Римский В. П. Субкультурные революции в культурно-исторической типологии // Наука. Искусство. Культура. 2018. № 3 (19). С. 5–23.
41. Филиппов А. Триггеры абсолютных событий // Логос. 2006. № 5 (56). С. 104–117.
42. Бюрнелль Э. Реформы и революция // Проблемы мира и социализма. 1964. № 7. С. 34–38.
43. Дворниченко А. Ю. Эволюция. Инволюция? Революция! (В связи со статьей Д. В. Пузанова «"Революция" 1000 года в Восточной Европе: проблема прото- и постреволюций») // Вестник Удмуртского университета. Серия История и Филология. 2019. Т. 29. Вып. 1. С. 87–96.
44. Пузанов Д. В. Революция: аксиома, миф или абстракция? (ответ А. Ю. Дворниченко) // Вестник Удмуртского университета. 2019. Т. 29. Вып. 4. С. 637–649.
45. Личман Б. В. Теория изучения истории России по целям мировоззрения // Социально-политические науки. 2018. № 4. С. 76–82.
46. Царев Р. Ю. «Макроистория» Рэндала Коллинза: методологические аспекты // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 440. С. 90–98.
47. Субботина Н. Д. Проблема периодизации истории: единичное, особенное и общее // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13. № 4. С. 6–16.
48. Любашиц В. Я. Эволюционная типология государства: институционально-правовое измерение // Научные труды СЗИУ РАНХиГС. 2019. Том 10. Выпуск 1(38). С. 17–31.
49. Мартюшов Л. Н. Существующие концепции исторической науки // История и современное мировоззрение. 2019. № 1. С. 21–30.
50. Попков Ю. В., Тюгашев Е. А. Социокультурная трансформация: варианты интерпретации, диагностика опыта России // Идея и идеалы. 2020. Том 12. № 1. Ч. 2. С. 405–421.
51. Авилкина А. А. Типология государства в юридической науке: от формационной теории к цивилизационному многообразию // Евразийский Союз Ученых (ЕСУ). 2020. № 3 (72). С. 33–35.
52. Цивилизация: от локального к глобальному Граду. Монография. Серия «Человек. Культура. Цивилизация» / под. ред. Л. А. Алексеевой и др. Донецк : ДонНГУ, 2008. 236 с.
53. Коллинз Р. Макроистория: Очерки социологии большой деятельности. М. : УРСС : ЛАНАНД, 2015. 504 с.
54. Колесников В. А. Становление транзитологических концепций в политико-правовых исследованиях в конце XX в. // Вестник воронежского института МВД России. 2007. № 3. С. 22–28.
55. Равочкин Н. Н. Влияние философских идей на политико-правовые институты в свете исторической макросоциологии // Вестник ТвГУ. 2019. № 2. С. 30–40.
56. Розов Н. С. Историческая макросоциология: становление, основные направления исследование и типы моделей // Общественные науки и современность. 2009. № 2. С. 151–161.

57. Розов Н. С. Философия и теория истории. Кн. I. Прологомены. М. : Логос, 2002. 656 с.

58. Лакатос И. Избранные произведения по философии и методологии науки. М. : Академический проект ; Трикста, 2008. 475 с.

REFERENCES

1. Marx K., Engels F. Preface to "A Critique of Political Economy" // Selected works in two volumes. M. : OGIZ State Publishing House of Political Literature, 1949. Vol. 1. P. 321–322. (In Russ.)

2. Lenin V. I. The impending catastrophe and how to deal with it // Complete Works. Fifth edition. M. : Publishing house of political literature, 1967. Vol. 34. P. 151–199. (In Russ.)

3. Lenin V. I. Imperialism as the highest stage of capitalism // Complete Works. Fifth edition. M. : Publishing house of political literature, 1967. Vol. 27. P. 299–426. (In Russ.)

4. Mishin V. I. Social progress. Gorky : Volgo-Vyat. book publishing house, 1970. 296 p. (In Russ.)

5. Glezerman G. E. Laws of social development: their character and use. M. : Politizdat, 1979. 268 p. (In Russ.)

6. Izraitel V. Ya. The contradictory nature of transitional eras in world history // Philosophical problems of social progress: collection of scientific works. Gorky : Publishing house of Gorky University, 1982. P. 77–90. (In Russ.)

7. Drabkin Ya. S. Unsolved problems of studying social revolutions // Historical science and some problems of our time. Articles and discussions. M. : "Nauka", 1969. P. 211–215. (In Russ.)

8. Krapivensky S. E. On the analysis of the category "social revolution". Volgograd : Nizhne-Volzhskoe book publishing house, 1971. 183 p. (In Russ.)

9. Butenko A. P. Dialectics of social development. Kyiv : Politizdat of Ukraine, 1990. 317 p. (In Russ.)

10. Rakitov A. I. Historical knowledge: a systemic-epistemological approach. M. : Politizdat, 1982. 303 p. (In Russ.)

11. Gurevich A. Ya. Free peasantry of feudal Norway. M. : "Nauka", 1967. 285 p. (In Russ.)

12. Musayelyan L. A. The theoretical heritage of Marx and modernity. Article two. Theory and practice of Marxism // Bulletin of Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology. 2020. Issue. 1. P. 14–28. (In Russ.)

13. Osin R.S. My Marx // Alternatives. 2018. No. 2. P. 71–78. (In Russ.)

14. Hong Ch. My Marx // Alternatives. 2018. No. 2. P. 91–97. (In Russ.)

15. Buzgalin A.V. The future of Marxism and the Marxism of the future // Alternatives. 2018. No. 2. P. 102–116. (In Russ.)

16. Buzgalin A.V. Answers to questions from the organizing committee of the Second International Marxist Congress. // Philosophical Sciences. Beijing : Peking University. 2018. No. 4. P. 80–95. (In Russ.)

17. Dialectics of national and social in the context of returning the status of a great power to the Fatherland : materials of the International Scientific Conference / Nizhny Novgorod regional branch of the All-Russian Public Organization "Russian Scientists of Socialist Orientation" (RUSO), All-Russian Academy of Human Sciences; Editorial Board: A. V. Grekhov (pres.) et al. Nizhny Novgorod, 2015. 177 p. (In Russ.)

18. Sagatovsky V.N. System activity and its philosophical understanding // System research. Methodological problems. Annual. 1980 / ed. D. M. Gvishiani et al. M. : Nauka, 1981. 402 p. (In Russ.)

19. Zubkevich L. A. Transitional periods as part of a natural historical process : dis. ... Cand. Philosophy. Nizhny Novgorod : Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky, 2005. 183 p. (In Russ.)

20. Shevyakova E. V. Stability and instability in natural and social systems : dis. ... Ph.D. Philosophy. M. : Russian Academy of Public Administration, 1995. 140 p. (In Russ.)

21. Sergeychik E. M. Philosophy of history. St. Petersburg : Publishing House «Lan» ; St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2002. 606 p. (In Russ.)

22. Bagno I.G. Sociocultural approach to the study of transition processes in modern Russia: abstract of thesis. dis. ... cand. philosopher. Sci. Omsk : Omsk State Agrarian University, 1998. 25 p. (In Russ.)

23. Glazyev S. Yu. Patterns of social evolution: questions of methodology // Analysis of systems on the threshold of the 21st century: theory and practice : materials of the international conference. In 4 volumes / comp. T. E. Safonova. M. : Intellect, 1996. Vol. 2. P. 5–10. (In Russ.)

24. Glazyev S. About the underlying causes of the growing chaos and measures to overcome the economic crisis // Glazyev.ru. URL: <https://glazyev.ru/articles/1-mirovoy-krizis/78041-o-glubinnikh-prichinakh-narastajushhego-khaosa-i-merakh-po-preodoleniju-jekonomicheskogo-krizisa> (accessed 27.02.2024). (In Russ.)
25. Moiseev N. N. Strategy of the transition period // Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Vol. 65. 1995. No. 4. P. 291–295. (In Russ.)
26. Andreev I. L. Be careful with the history clock! (methodological problems of the civilization process) // Questions of Philosophy. 1998. No. 9. P. 38–54. (In Russ.)
27. Abrosimova I. A. Methodological role of the concept of civilization in socio-philosophical research : abstract. dis. ... Cand. Philosophy. Saratov: Saratov State Technical University, 2000. 19 p. (In Russ.)
28. Gizatullina G. A. Comparative analysis of formational and civilizational concepts (philosophical and methodological aspect): abstract. dis. ... Cand. Philosophy. Kazan : Kazan State University named after V. I. Ulyanov-Lenin Kazan, 2001. 23 p. (In Russ.)
29. Verevichev I. I., Verevicheva M. I., Erokhina E. A. Code of development of modern civilization // News of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 2018. Vol. 20. No. 4 (3). P. 514–520. (In Russ.)
30. Durkheim E. Sociology. Its subject, method, purpose. M. : Nauka, 1995. 349 p. (In Russ.)
31. Barieva A. A. Civilization theory of Yu. Yakovets: advantages and disadvantages // Global scientific potential. Professional education. 2019. No. 10 (103). P. 102–104. (In Russ.)
32. Nikolsky S. A. Russian philosophy of history: experience of understanding // Philosophical journal. 2018. Vol. 11. No. 4. P. 115–128. (In Russ.)
33. Yepremyan M. A. Epistemological roots of conservative ideology, its genesis, features and development trends // Region and World. 2019. No. 5. P. 26–30. (In Russ.)
34. Galbraith J. K. Economic theories and goals of society. M. : Progress, 1979. 406 p. (In Russ.)
35. Bell D. The Coming Post-Industrial Society. M. : Academia, 2004. 944 p. (In Russ.)
36. Fukuyama F. The end of history and the last man. M. : AST, Ermak, 2005. 588 p. (In Russ.)
37. Hayek F. A. The Road to Serfdom. M. : “Economy”, 1992. 176 p. (In Russ.)
38. Weber M. Social causes of the fall of ancient culture // Favorites. The image of society. M. : Lawyer, 1994. P. 447–566. (In Russ.)
39. Shultz E. E. Theory of revolution: Revolutions and modern civilizations. M. : Lenand, 2016. 400 p. (In Russ.)
40. Abbasov R. G., Rimsky V. P. Subcultural revolutions in cultural-historical typology // Science. Art. Culture. 2018. No. 3 (19). P. 5–23. (In Russ.)
41. Filippov A. Triggers of absolute events // Logos. 2006. No. 5 (56). P. 104–117. (In Russ.)
42. Burnel E. Reforms and revolution // Problems of peace and socialism. 1964. No. 7. P. 34–38. (In Russ.)
43. Dvornichenko A. Yu. Evolution. Involution? Revolution! (In connection with the article by D. V. Puzanov “The “Revolution” of 1000 in Eastern Europe: the problem of proto- and post-revolutions”) // Bulletin of the Udmurt University. Series History and Philology. 2019. Vol. 29. Issue. 1. P. 87–96. (In Russ.)
44. Puzanov D. V. Revolution: axiom, myth or abstraction? (answer to A. Yu. Dvornichenko) // Bulletin of the Udmurt University. 2019. Vol. 29. Issue. 4. P. 637–649. (In Russ.)
45. Lichman B. V. The theory of studying the history of Russia according to the goals of the worldview // Socio-political sciences. 2018. No. 4. P. 76–82. (In Russ.)
46. Tsarev R. Yu. “Macrohistory” by Randal Collins: methodological aspects // Bulletin of Tomsk State University. 2019. No. 440. P. 90–98. (In Russ.)
47. Subbotina N. D. The problem of periodization of history: individual, special and general // Humanitarian vector. 2018. Vol. 13. No. 4. P. 6–16. (In Russ.)
48. Lyubashits V. Ya. Evolutionary typology of the state: institutional and legal dimension // Scientific works of SZIU RANEPa. 2019. Volume 10. Issue 1 (38). P. 17–31. (In Russ.)
49. Martyushov L. N. Existing concepts of historical science // History and modern worldview. 2019. No. 1. P. 21–30. (In Russ.)
50. Popkov Yu. V., Tyugashev E. A. Sociocultural transformation: interpretation options, diagnostics of Russian experience // Idea and ideals. 2020. Volume 12. No. 1. Part 2. P. 405–421. (In Russ.)
51. Avilkina A. A. Typology of the state in legal science: from formational theory to civilizational diversity // Eurasian Union of Scientists (ESU). 2020. No. 3 (72). P. 33–35. (In Russ.)

52. Civilization: from local to global City : monograph. Series “Man. Culture. Civilization» / under. ed. L. A. Alekseeva and others. Donetsk : DonNSU, 2008. 236 p. (In Russ.)

53. Collins R. Macrohistory: Essays on the Sociology of Big Activity. M. : URSS: LANAND, 2015. 504 p. (In Russ.)

54. Kolesnikov V. A. The formation of transitological concepts in political and legal studies at the end of the twentieth century. // Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2007. No. 3. P. 22–28. (In Russ.)

55. Ravochkin N. N. The influence of philosophical ideas on political and legal institutions in the light of historical macrosociology // Bulletin of Tver State University. 2019. No. 2. P. 30–40. (In Russ.)

56. Rozov N. S. Historical macrosociology: formation, main directions of research and types of models // Social sciences and modernity. 2009. No. 2. P. 151–161. (In Russ.)

57. Rozov N. S. Philosophy and theory of history. Book I. Prolegomena. M. : Logos, 2002. 656 p. (In Russ.)

58. Lakatos I. Selected works on philosophy and methodology of science. M. : Academic project ; Trixta, 2008. 475 p. (In Russ.)

Информация об авторе:

Зубкевич Л. А. – кандидат философских наук.

Information about the author:

Zubkevich L. A. – Candidate of Philosophy.

Статья поступила в редакцию 01.04.2024; одобрена после рецензирования 26.04.2024; принята к публикации 21.06.2024.

The article was submitted 01.04.2024; approved after reviewing 26.04.2024; accepted for publication 21.06.2024.